

Деятельность генерала И. В. Гудовича на Кавказе в начале XIX века

Автор: М. М. Гасаналиев

Гасаналиев Магомед Мухтарович - кандидат исторических наук. Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

2 мая 1806 г. главнокомандующим войсками на Кавказе был назначен генерал И. В. Гудович, которого считали серьезно образованным человеком XVIII века¹. Гудович слушал университетские лекции в Кенигсберге, Галле и Лейпциге. Офицерскую службу начал в 1759 г., участвовал в польском походе 1763 г., русско-турецких войнах 1768 - 1774 и 1789 - 1791 годов. Отличился под Хотинем, Ларгой и Кагулом. Во второй турецкой кампании войска под его командованием взяли турецкие укрепления Гаджибей (Одессу), Килию и Анапу. "Гордый и самонадеянный, он не принимал ничьих советов, не уважал постороннего мнения, - писал Н. Ф. Дубровин, - и полагал, что хорошо знает край и тамошнее положение дел. На самом деле он хорошо знал только одну Кавказскую линию, войсками на которой командовал в течение нескольких лет"².

Это был его второй приезд на Кавказ. До этого он дважды (при Екатерине II и Павле I) был наместником Кавказа и главнокомандующим царскими войсками на Кавказской линии. В 1790 г. он прибыл первый раз на Кавказ на должность наместника, через год штурмом взял турецкое укрепление Анапа. Взятие А. В. Суворовым турецкой крепости Измаила и Гудовичем - Анапы привело к окончанию русско-турецкой войны 1787 - 1791 гг. и подписанию Ясского мирного договора. В 1796 г., конце своего правления, Екатерина II освободила его от должности наместника, назначив на это место графа В. А. Зубова. Однако в том же году императрица умерла, а Павел I вернул должность Гудовичу. (Уехал он с Кавказа в 1798 г., получив назначение на должность генерал-губернатора Киева.)

Однако Гудович нашел Кавказ вовсе не в таком состоянии, в каком оставил его. "По приезде моем на Кавказскую линию нахожу оную не в том положении, в каком, отъезжая отсюда, ее оставил. Все здания обвалились и рушились, и даже мирные соседи кордонов стали немирными"³, - писал он царю. Случилось это в результате недальновидной политики, поспешных действий его предшественника, генерала П. Д. Цицианова, который находился на Кавказе с ноября 1802 по февраль 1806 года. Цицианов был "сторонни-

стр. 129

ком энергичных и крутых военных мер по распространению власти России на Кавказе"⁴. Это был единственный главнокомандующий на Кавказе, который там был убит.

Ко времени приезда Гудовича на Кавказ командующий русскими войсками на Кавказской линии генерал Г. И. Глазенап успел занять Дербент. Тем не менее он был отстранен по настоянию Гудовича, и на это место назначили генерала от инфантерии С. А. Булгакова. Дело в том, что Гудович и Глазенап были в ссоре еще со времен, когда они вместе служили под начальством известного генерала П. А. Румянцева.

Булгаков занял Баку и Кубу и отстранил дербентско-кубинского хана Шихали-хана от управления

Кубой. До этого он был изгнан из Дербента в результате восстания жителей города, устроенного шамхалом Тарковским Мехти. Ханство было отдано под управление шамхала, а Дербент присоединен к России. Шихали-хан, явившись к Булгакову, выразил раскаяние в своих поступках и обещал сохранить верность России. Гудович запросил Петербург, как с ним поступить. 14 ноября 1806 г. он получил ответ: "Г[осударь] И[мператор], приняв за благо мнение в[ашего] с[иятельства] оставить до времени Ших Али, бывшего хана Дербентского, не соизволил признать за нужное утвердить его Высочайшею грамотою в сем звании"⁵. Кубу также отдали под власть шамхала Тарковского, Шихали-хану разрешили жить там без звания хана.

Гудовичу пришлось начать налаживание добрых взаимоотношений с местной знатью в сложных условиях. Цицианов поссорился со всеми местными феодалами, лишил их жалованья, назначенного императором, писал им оскорбительные письма, запугивал расправой. Теперь Гудовичу предстояло повторно привлечь их на сторону России, добиваясь расширения ее влияния в крае.

По заключению Дубровина, Гудович пришел к убеждению, что "живших в соседстве с Кавказской линией горцев легче всего было успокоить и привести в повиновение увещанием и предоставлением некоторых выгод", тогда как если действовать силой, то они, "имея верное убежище, уйдут в горы, будут всегда пытаться непримиримое мщение, им сродное, за поражение, а особенно за нанесенный вред их имению"⁶. Соответствующих действий он требовал и от своих генералов. В 1807 г. Гудович предписывал начальникам на местах: "Приложите всемерную вашу попечительность на восстановление в народе сем доброго порядка и спокойствия, ласкайте их елико можно и по просьбам их делайте по возможности вашей удовлетворение... Внушайте им всемерно о спокойной их жизни, о домостроительствах, скотоводстве и хлебопашестве как о таких вещах, от которых все их благосостояние зависит; внедрите в мысль их, колико гнусно и постыдно воровство и разбой"⁷.

По характеру Гудович резко отличался от грубого и высокомерного Цицианова. Кавказские феодалы знали его по прежней деятельности в крае и ожидали перемен в политике, и они не ошиблись. Своей дипломатичностью, культурой, образованием, поведением и щедростью наместник стал завоевывать их доверие к России.

В 1806 г. в Закаталах появились отряды дагестанцев во главе с Сурхайханом Казикумухским и Султан Ахмед-ханом Аварским. Сурхай-хан написал начальнику царских войск в этой провинции генералу Д. В. Орбелиани: "Известно нам, что российский государь не приказал войну вам вести против джарцев и расположиться в земле их; Джарская провинция не отделена от владения моего и за нее должен [я] не щадить ни жизни, ни имущества. Я пришел сюда не с тем, что они государя подданные; если вы хотите себе спокойствия, то переведите своих солдат по ту сторону реки, а то наша война

продлится и при Божией помощи ваших людей не оставим в спокойствии"⁸. Между тем Султан Ахмед-хан наладил связь с Орбелиани и выразил желание дать присягу на верность России. По предложению Орбелиани он распустил свой отряд. Тогда и Сурхай-хану пришлось вернуться к себе.

28 февраля 1806 г. Орбелиани поставил в известность Гудовича о переговорах с аварским ханом. Тот ходатайствовал перед царем о восстановлении Султан Ахмед-хана на русской службе с

жалованьем в размере 5 тыс. руб. серебром в год. Царь удовлетворил эту просьбу и произвел хана в генерал-майоры. Гудович выдал ему жалованье на полгода вперед - 2475 рублей.

Султан Ахмед-хан дал присягу на верность России еще в 1803 г. и не нарушал ее. Цицианов же из-за вторжения в Закаталу отрядов Сурхай-хана Казикумухского и Алискандера Гочатлинского лишил его жалования, установленного императором⁹, и писал угрожающие письма, не разобравшись в том, что ни Сурхай-хан, ни Алискандер не подчинялись аварскому хану и не собирались его слушать. Кстати, Цицианов и жалованье платил не регулярно.

При этом Султан Ахмед-хан взял на себя определенные обязательства, в том числе - удерживать жителей Дагестана от набегов на Грузию, оказывать содействие русским войскам в крае, не допускать грабежей, награбленное отнимать и возвращать владельцам¹⁰.

Перед этим погиб карабахский хан Ибрагим-хан, женой которого была тетка Султан Ахмед-хана. Хан попросил Гудовича разрешить ему забрать тетю в Хунзах. Гудович ответил: "Относительно тетки вашей, то я охотно готов удовлетворить желанию вашему и отпустить ее к вам. Однако же, не зная, можно ли по обычаям вашим отпустить также и детей ее, я писал о сем к Мехти-Кули-хану (новому хану Карабаха. - М. Г.) карабагскому, требуя, чтобы он, если это не противно обыкновениям их, отпустил ее к вам с детьми, в коем случае нужно будет, чтобы вы для препровождения ее и безопасного проезда выслали на границу своих людей. Буде же бы она пожелала сама добровольно остаться с детьми в Шуше, то я истребую от Мехти-Кули-хана о назначении ей удела для содержания ее.

Между тем, мне весьма приятно уведомить вас, что я не оставил всеподданнейше ходатайствовать об вас перед Е. И. В., и надеюсь, что вы удостоены будете знатным отличием от всемилостивейшего нашего Г. И. Желая при том более утвердить между нами приятельскую и искреннюю связь, я прилагаю при сем одну посылку, прося вас принять оную как залог моего к вам благорасположения"¹¹.

По содержанию этого письма можно дать характеристику и его автору. В нем нет ни чванливости, ни высокомерия, ни угроз, а наоборот - одна доброжелательность.

По ходатайству Гудовича было оказано внимание и другим феодалам-правителям. Шамхал Тарковский получил знамя с государственным гербом, уцмий Кайтага Ахмед-хан - чин генерал-майора с жалованием в 2 тыс. руб. сер. в год, Магомед кадий Табасаранский - чин полковника (1,5 тыс. руб. сер.). Были так или иначе награждены и другие табасаранские феодалы¹².

Сурхай-хана Гудович пытался привлечь в подданство России, но тот отказался, ссылаясь, что у него нет средств, чтобы заплатить 8-тысячную дань. Гудович решил снизить размер дани и написал Сурхай-хану: "Я нужным счел... удовлетворить вас теперь прямо от себя, что все сие делается единственно для блага и счастья, вас ожидающего... я во уважение вас из числа оной уменьшаю 2000 червонцев, зная что не только сие, и вся дань не составляет ничего для Всероссийского великого Г. И."¹³. В Петербург Гудович написал, что он снижает дань Сурхай-хану до 3000 червонцев в год. Сурхай-хан и на это не согласился.

текст присяги, и заменил денежную дань на 1 - 2 жеребца и несколько ковров. Сурхай-хан вроде бы согласился, но от церемонии уклонился¹⁴. Гудович считал возможным покорить всех ханов и владельцев "великой Армении и Дагестана", заставив их платить России дань, хоть и незначительную, в знак их подданства¹⁵.

Хотя эти меры и не привели к полному успокоению края и прекращению набегов, но был сделан большой шаг к улучшению российско-северокавказских взаимоотношений.

30 декабря 1806 г. Турция объявила войну России из-за того, что она заняла Дунайские княжества. Россия имела тогда в Закавказье 20-тысячную армию. Тогда же по настоянию Франции Турция подписала с Ираном мирный договор¹⁶. Положение России на Кавказе серьезно осложнилось неблагоприятными переменами в Европе (победы Наполеона I, огромное усиление влияния Франции в Стамбуле) и поворотом Порты от союза с Россией к войне с нею¹⁷.

Это заставляло заняться и улучшением отношений с черкесами. Гудович написал Булгакову: "Ген. -м. Шеншин рапортует мне, что владетельные князьки Темиргойский, Атихойский, Наврузовский и Мохошевский, также некоторые из Бесленевских, нам преданы и совершенно отказались от сообщения с турецкими войсками, для чего и была отправлена к нему некоторая сумма денег, чтобы приласкивать расположенных к нам и употреблять из оной на шпионов для разведывания, что за Кубанью происходит"; чтобы "как можно больше удерживать сих князьков в преданности к России, я отправляю при сем к вашему высокопревосходительству 200 голландских червонцев, поручая вам оные отправить к ген. -м. Шеншину на приласкание их и выдачу сколько кому из них по его усмотрению... признает он за нужное"¹⁸.

Осетин-тагаурцев Гудович привлек к охране Военно-грузинской дороги. Феодал Ахмед Дударов отказался, причины для этого у него были. Ранее взаимоотношения его с Цициановым привели к восстанию осетин, которое было жестоко подавлено¹⁹. Однако Гудовичу удалось уговорить его братьев Эльмурзу и Таусултана. Им было разрешено брать плату за пропуск людей и транспорта по этой дороге. Строительство мостов рассматривалось не как обязанность их, а желательная мера. Старшины тагаурцев взяли на себя следующие обязательства:

1. Проезжающие купцы с товаром и без товаров платят тагаурцам по 10 руб. сер. с человека, которых должны они провожать от Казбека до Владикавказа и обратно, принимая на себя ответственность за их безопасность;
2. С простолюдинов грузин и армян собирать с конного по 35, а с пешего по 20 коп. сер.;
3. Дать 10 аманатов по выбору российского начальника во Владикавказе с десяти главнейших фамилий. Каждому аманату полагалось на содержание в сутки 25 коп. медью и т.д.²⁰

Тем временем Гудович занялся чеченцами. Он собрал старшин мирных сел, выслушал их и разрешил пасти скот на левом берегу Терека, поселиться на правом берегу реки с условием охранять кордонную линию. В то же время он обещал не допустить притеснения их русскими войсками, улучшить содержание аманатов, уравнивать их в правах с русскими, разрешить беспопышную торговлю в русских пределах²¹. Но договор нарушался обеими сторонами. Гудович писал в Петербург: "Мирные чеченцы жалуются, что терские казаки от мирных деревень едущих ловят, обижают и бьют"²². Разумеется, чеченцы обиду не прощали, совершали набеги на Кавказскую линию, и вовсе исключить применение силы не удавалось. В 1807 г. Гудович

Чечню генерала Булгакова для наказания виновных в совершении набегов, предписав щадить тех, кто изъявит покорность.

Приходилось использовать кое-что из практики древних римлян. По согласованию с царем, в экспедицию привлекли и кабардинских добровольцев. Гудович предписал начальствовавшему над кабардинцами генералу И. П. Дельпоццо "узнать как можно обстоятельнее о настоящем расположении и верности к России князей и владельцев Кабардинских и, когда найдете их усердными и готовыми к службе Е. И. В., то объявите им от моего имени, что всемилостивейшему нашему Г. И. приятно будет видеть в опытах их искреннюю их преданность и усердие. Уверьте притом их, что когда только пожелают они служить и представить отборных и хорошо вооруженных воинов своих на время нынешних неприятельских действий, то будут от щедрот Е. И. В. пожалованы чинами и снабжены жалованьем: каждый из князей, поставивший 1000 человек, полковничьим чином с жалованьем 1000 р., за 300 человек - майорским с жалованьем 1000 р., за 200 - капитанским, по 500 р.; узденям и прочим чинам положено будет также соразмерное жалованье, а рядовым каждому по 30 р. и сверх того провиант и фураж на две лошади. Отличившиеся в действиях против неприятеля награждаются за храбрость приличными знаками и по мере заслуг пенсиями"²³.

Дельпоццо ответил: "Было уговаривать их и весьма трудно, однако ж удалось мне воспользоваться теми трудами моей деятельности, что, наконец, кабардинцы обеих фамилий в числе 25 владельцев с прочими первой степени узденьями и другими разного звания людьми более 3000 человек, 19-го числа того ж февраля чрез р. Терек переправились и прибыли со мной на р. Сунжу"²⁴. Для этого Дельпоццо пришлось созвать хассу (собрание). Особо старались в пользу России К. Джанхотов, Д. Хамурзин, Р. Бесленев, Б. Джамбулатов. Дельпоццо просил присвоить им российские воинские звания. Участие кабардинцев в этой экспедиции нужно было, чтобы раздуть вражду между этими двумя народами. Как пишет А. Н. Рябиков, "основные методы, которыми руководствовалась Россия в осуществлении своих целей, были военные. Кроме того, Россия, так же как и другие державы, применяла зарекомендовавшие себя способы контроля местной элиты, состоявшие, в частности, в ее прямом или косвенном подкупе"²⁵.

Собрав три отряда, Булгаков 13 февраля вторгся в Чечню. Сам он вел отряд из Червленной, Мусин-Пушкин - из Моздока, на карабулаков, с ним шли 3,5 тыс. кабардинцев. Генерал М. К. Ивелич шел из Владикавказа. Общее командование взял на себя Булгаков. Всего набралось 8 тыс. солдат при 29 орудиях. Усмирив карабулаков, кабардинцы отказались идти дальше и вернулись к себе. Это внесло разлад и несогласованность в общие действия, и экспедиция, закончившаяся 18 марта, не дала ожидаемых результатов. Сильные бои произошли у селений Атаги, Гехи, Герменчук. Многие села были сожжены. Булгаков потерял 136 человек убитыми и 282 ранеными.

Однако Гудовичу Булгаков написал, что в бою с чеченцами за Ханкальское ущелье он потерял 158 человек, а чеченцы все уничтожены и что кабардинцы отказались идти в Чечню. 20 марта Гудович ответил Булгакову: "Сожалею крайне, что кабардинцы, которые по рапорту ген. -м. Дельпоццо были совсем готовы вместе с нашими войсками против чеченцев, не были в сем деле употреблены; вся цель моя была та, чтобы сии два народа поссорить между собою и привести во вражду друг против друга, чем самым со временем их ослабить"²⁶.

Еще при назначении на Кавказ Гудович советовал Александру I в случае упорства чеченцев уговорить соседей ради наживы напасть на них, "через что принуждены будут искать защиты от войск Императорского Величества, войска

стр. 133

же тем сбережены будут и меньше издержек"²⁷. Гудович стал опасаться, как бы по этой же причине кабардинцы не отказались воевать с турками. В начале апреля он писал Дельпоццо: "Итак, из сего их поступка я должен заключить, что если турки что-либо в нынешнее лето предпримут со стороны Анапы, то они также откажутся действовать против них, потому что и турки имеют с ними одну веру. Какая же польза от их покорности и подданства и к чему служит их присяга, когда они столь явно не хотят содействовать противу неприятеля России?" Оправдывая потери, понесенные в Чечне, Гудович писал в Петербург: "При наказании чеченцев - неприятеля отчаянного, защищавшего себя с необычайною твердостью и зверством, нельзя было не иметь некоторого урона, как в офицерах, так и в нижних воинских чинах убитых и раненых"²⁸.

Булгаков действовал в Чечне со свойственной ему жестокостью, не щадя жителей даже мирных сел, и тем самым озлобил народ; чеченцы возобновили массовые набеги на Моздок, Ставрополь, Сенгелеевку, увели в плен 300 человек и угнали 2000 голов скота. Гудович писал Булгакову: "Вы посланы не для того, чтобы вести войну с чеченскими народами, но наказать их и привести в совершенную покорность, что еще вами не окончено"²⁹. Чиновники из Петербурга предлагали Гудовичу выслать чеченцев во внутренние районы России, а на их место поселить русских³⁰. Гудович на это не пошел, да и международная обстановка не способствовала этому.

Кизлярский комендант полковник А. И. Ахвердов советовал Гудовичу повторить карательную акцию против чеченцев, не разделяя их на мирных и немирных, но Гудович не согласился. Он искал более цивилизованных путей налаживания взаимоотношений с чеченцами. Ему удалось убедить значительное число старшин дать присягу на верность России. Гудович выдал им компенсацию за потери, понесенные ими в ходе экспедиции Булгакова, в размере 2850 рублей. Старшина села Шали Бейбулат Таймазов получил офицерский чин.

В сентябре жители 12 чеченских сел принесли присягу России и выдали 24 аманата. За возвращение беглых и пленных солдат Булгаков обещал выдать чеченцам по 50 руб. за каждого³¹. Старшиной с. Б. Атаги был назначен Кучукбей Борагунский, Малые Атаги - Муса Хасаев Эндерийский, Гехи - Баммат Давлет-Гирей (Бекович-Черкасский). Управление над всеми мирными аулами чеченцев возложили на Ахвердова. Аманатов содержали в Кизляре.

14 апреля 1807 г. Гудович писал Гудбергу: "Экспедиция на чеченцев, о которой я сим же фельдъегерем в подробности имел счастье всеподданнейше донести Е. И. В., с помощью божиею окончена под начальством ген. от инф. Булгакова. Чеченцы совершенно покорены силой оружия и приведены к присяге на вечную верность и подданство Е. И. В."³². Желая настроить чеченцев в пользу России, Гудович летом 1807 г. послал в Чечню некоего Кандаурова, который объехал 20 аулов, разъясняя необходимость успокоения. В итоге жители этих сел подтвердили "прияженные" отношения к России. Кандауров получил 1000 руб. на подарки влиятельным чеченцам, пострадавшим от ханкальских событий. Просьба чеченцев освободить их от уплаты пошлин за торговлю в Кизляре была удовлетворена³³.

Обстановка требовала от Гудовича предпринять военные действия против турок с целью отвлечения части войск от Дунайской армии. В апреле он попытался занять турецкое укрепление

Ахалцих, но потерпел неудачу. В конце июня 1807 г. турки были разбиты у реки Арпачай, тем самым Гудовичу удалось предотвратить вторжения турок в Грузию. В сентябре 1807 г. шах предложил ему начать мирные переговоры, но Гудович, не имея на это высочайшего повеления, отказался³⁴.

стр. 134

В сентябре 1808 г. он решил занять Эривань и, прибыв туда с войсками, обратился к эриванскому хану: "Не берите в пример прежней неудачной блокады эриванской крепости. Тогда были одни обстоятельства, а теперь совсем другие. Тогда предводительствовал войсками князь Цицианов - из молодых генералов, не столько еще опытный в военном искусстве, а теперь командуя я, привыкший уже водить более 30 лет сильные российские армии"³⁵. Гарнизон крепости не принял ультиматума, и Гудович взял ее в осаду, но штурм, проведенный 8 октября, после двухдневной бомбардировки, завершился неудачно. Гудович снял осаду и увел войско в Грузию.

Неудача под Эриванью удручающе подействовала на Гудовича, и он 18 июня 1808 г. подал в отставку. Царь удовлетворил просьбу и назначил на его место генерала А. П. Тормасова. Гудовича, учитывая его опыт, оставили временно на Кавказе, чтобы он помог новому командующему войсками войти в курс дел. Окончательно уволили Гудовича в марте 1809 года.

После ухода с должности он не сидел сложа руки. Именно он нашел в Дагестане родственника Сурхай-хана Казикумухского Аслан-бека, которого было решено выставить соперником Сурхай-хану и Шихали-хану Кубинскому. 12 февраля Гудович писал коменданту города Баку генералу И. И. Репину: "Отправляя к вашему превосходительству племянника Сурхай-хана Ханбута Казикумухского, Аслан-бека, который в Дагестане довольно важен и имеет большое влияние, я поручаю вам тотчас по приезде его употребить в дело против ветреного Ших-Али и оказывать ему всевозможные пособия по его службе. Сей Аслан-бек в третьем году находился в Ахалцихе с партией лезгинцев, служащих на жалованье у Ахалцихского паши, но я успел его оттолкнуть и склонил к себе до того, что он принял присягу на вечную верность подданства Е. И. В. и обязался с подвластным ему народом делать все возможные препятствия дагестанским хищникам, делающим грабежи по Кубинской дороге... Сего самого Аслан-бека со временем, если он покажет опыты своего усердия, я имею намерение с некоторою помощью от нас утвердить ханом Казикумухским"³⁶.

Этот замысел Гудовича царское командование постепенно проводило в жизнь. При главнокомандующем царскими войсками в Грузии Ф. О. Пауллуччи (назначен после Тормасова) царские войска отбили от Сурхай-хана Кюринскую провинцию. На этой территории было образовано Кюринское ханство, отданное под управление Аслан-беку, которого после этого стали величать Аслан-ханом. Казикумухским же ханом он стал в 1820 г., уже при генерале А. П. Ермолове. Таким образом, осуществилось предвидение и замысел Гудовича, что само по себе показывает свойственную этому российскому администратору и военачальнику на Кавказе политическую дальновидность.

Примечания

1. ПОТТО В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб. 1887, с. 193.

2. ДУБРОВИН Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 5. СПб. 1887, с. 27.
3. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1. Тифлис. 1901, с. 252.
4. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). М. 1988, с. 21.
5. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 3. Тифлис. 1869, с. 393.
6. ДУБРОВИН Н. Ук. соч., с. 26.
7. ВИНОГРАДОВ Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 - 1816 гг. Славянск-на-Кубани. 2005, с. 282.
8. АКАК. Т. 3, с. 379.
9. Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в. М. 1988, с. 268.
10. АКАК. Т. 3, с. 374.

стр. 135

11. Русско-дагестанские отношения, с. 281.
12. Там же, с. 181 - 182.
13. АКАК. Т. 3, с. 377.
14. Там же, с. 380.
15. ДУБРОВИН Н. Ук. соч., с. 26.
16. История народов Северного Кавказа, с. 25; РЯБИКОВ А. Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века. Славянск-на-Кубани. 2008, с. 63 - 64.
17. История народов Северного Кавказа, с. 25.
18. АКАК. Т. 3, с. 661.
19. БЛИЕВ М. М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе. 1959, с. 118.
20. АКАК. Т. 3, с. 222.
21. ДУБРОВИН Н. Ук. соч., с. 29; ГАПУРОВ Ш. А. Северный Кавказ в политике России в начале

XIX века (1801 - 1815 годы). Нальчик. 2004, с. 356.

22. Цит. по; ВИНОГРАДОВ Б. В. Ук. соч., с. 302.

23. АКАК. Т. 3, с. 645.

24. Там же, с. 647.

25. РЯБИКОВ А. Н. Ук. соч., с. 91.

26. АКАК. Т. 3, с. 666, 667.

27. БИРЮКОВ А. В. Российско-чеченские отношения в XVIII - середине XIX в. - Вопросы истории, 1998, N 2, с. 52 - 53.

28. АКАК. Т. 3, с. 655, 662.

29. Там же, с. 666.

30. ВИНОГРАДОВ Б. В. Ук. соч., с. 296.

31. АКАК. Т. 3, с. 674.

32. Там же, с. 667.

33. КОЛОСОВ Л. Н. Русско-чечено-ингушские отношения на рубеже XVIII-XIX вв. В кн.: Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный. 1982, с. 309.

34. История народов Северного Кавказа, с. 26; РЯБИКОВ А. Н. Ук. соч., с. 85.

35. ПОТТО В. Ук. соч. Т. 1, с. 412.

36. АКАК. Т. 3, с. 380 - 381.